

*Научная жизнь***БЮРОКРАТИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ИЛИ ОБРАЗ ЖИЗНИ**

А.И. Субботин
Педагогический институт
Южного федерального университета

В.П. Макаренко, В.Г. Захаревич, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин

27-28 апреля 2010 г. в Ростове-на-Дону в Донской государственной публичной библиотеке состоялась конференция по теме «Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай сегодняшней России».

В первый день аудиторию выставочного зала ДГПБ составляли несколько десятков студентов и аспирантов факультета политологии и социологии ЮФУ

и человек десять профессоров вузов Ростова. Как обычно, после вступительного слова ведущего, проф. В.П. Макаренко, и приветственного – ректора ЮФУ проф. В.Г. Захаревича, взаимопрезентаций и обмена публикациями гостей и хозяев, слово было предоставлено первому гостю – директору Левада-Центра проф. Л.Д. Гудкову с докладом «Отношение населения к власти и проблема бюрократии». Все присутствующие (за небольшим исключением) навестили уши, надеясь услышать от такого компетентного человека объяснение всего происходящего в России.

И в самом деле, из доклада все узнали, что в России имело место изменение приоритетов ожиданий масс: от Горбачева до Ельцина включительно господствовали представления, что Россию спасет «правильная» модель развития, «переходного периода» и т.д., но после Ельцина инерция таких настроений (в духе «строительства капитализма») была преодолена и восторжествовала идея «сильной руки», каковая и была реализована к всеобщему удовлетворению. Однако, в отличие от «модельных» оснований социальной политики (когда винить за неудачи некого – модель, за которую тайно проголосовало большинство, не обвинишь), «сильная рука», по идее, берет на себя и всю ответственность за принимаемые решения, однако, отвечать за них на деле, в случае неудачи, не собирается. Народ отвечает тем же; по словам докладчика, «простые люди отказываются отвечать за действия властей». В этом емком афоризме (словам тесно, а мыслям, т.е. интерпретациям, исключительно просторно), безусловно, отразилась глубокая сущность российской бюрократии и отношение к ней народа.

В России растет объем представлений населения о том, есть ли у России враги. Если в эпоху Ельцина господствовали представления о Европе и Америке, да и обо всем мире, как друзьях и помощниках, то после (когда расплатились с долгами) возобладало более трезвое представление о том, что на мировом рынке все определяет конкуренция, которую никто не отменял (даже перестройка в России), и что ни Европа, ни Америка никогда не будут делать для России ничего, невыгодного (до 1000% прибыли минимум) для себя. Одновременно наблюдается «всплеск интереса к советскому строю»: хлебнув досыта преимуществ рыночной экономики, те, кто еще помнит этот строй, дружно предали ностальгии (к удовольствию КПРФ).

«Клановизация политики» в России вновь порождает в массах оруэлловское «двойное сознание»: «Нет сомнения в возможностях экономического развития страны, но есть большое сомнение в их реализации». Этим афоризмом доклад Л.Д.Гудкова закончился.

Затем было предложено задавать вопросы. Проф. А.М. Старостин спросил: есть ли у Левада-Центра какие-либо модели или концепты нашего общества в целом? На этот вопрос было отвечено, что Левада-Центр занимается исследованием социальных процессов в России, начиная с краха тоталитарного строя.

Этот обмен полунамеками между специалистами побудил автора этих строк расшифровать вопрос проф. А.М. Старостина до вида, понятного всем присутствующим (даже студентам): «Есть ли у вас модели нашего общества, на основании которых можно было бы делать прогнозы, или вы до сих пор копаетесь в старом гнилье?» Вопрос вызвал смех аудитории и испуг у ведущего. Но гости не обиделись, очевидно, имея уже опыт столкновения с такой реакцией аудитории, и докладчик ответил, что сначала была ставка (ошибочная) на то, что новое, молодое поколение, ухватив за рога ценности рыночного общества, начнет активно перестраивать Россию, а за ней потянутся и все остальные. Но эта надежда не оправдалась, из-за чего возникла необходимость ввести специальный термин – «социальный цинизм», обозначающий равнодушие населения к социальным и экономическим инициативам власти.

Проф. А.В. Лубский, чтобы вернуть обсуждение к теме доклада, спросил о том, видит ли докладчик какую-либо тенденцию развития рациональности в видении ситуации со стороны правительства?

Ответ был дан не прямой, а обтекаемый - он свелся к указанию на тот интересный факт, что после показа по телевидению фильма «Кубанские казаки» в разные официальные адреса и газеты пачками идут письма зрителей с просьбами сообщить адрес этого замечательного колхоза. Очевидно, докладчик не хотел этим сказать, что вообще количество идиотов в постсоветское время резко возросло, ни то, что перестройка и ностальгия по старым временам довела многих до преждевременного маразма (это и так всем известно). Этот ответ надо было понимать так, что население, вместо того, чтобы поддерживать социально-экономические инициативы правительства, ностальгирует по-пустому и оттягивается на таких фильмах, и это тоже есть пример «социального цинизма».

Такое настойчивое использование этого термина побудило одного из посетителей, Б.Н. Миллера, осведомиться о социологических сведениях насчет наиболее глубоких провалов народного доверия к нашим социально-политическим институтам: это суд, прокуратура или что-нибудь еще? Очевидно, спрашивающий хотел проверить, в какой степени Левада-Центр работает на правительство, путем сравнения ответа докладчика с тем, что он знал сам, из жизни и практики. И он не ошибся, хотя и слегка оторопел (как и все присутствующие): ответ заключался в приведении примера, касающегося Канады, где, по сведениям докладчика, наблюдается исключительное доверие населения к полиции, судам и пр. Таким образом, докладчик снова ответил, используя риторическую схему эллипсиса: опустил прямое признание того, что у нас в России такое доверие напрочь отсутствует, но намекнул на это с помощью канадского примера. И это прямо соответствовало духу современной российской политики, в смысле: «Запад демократичнее (культурнее?), чем мы, и вот бы нам так». В результате – был дан ответ, вполне доступный пониманию, но не было сказано ничего, даже в малой степени, порочащего правительство. Что ж, конечно, публичные люди должны охранять сами себя и не говорить лишнего.

А аудитория продолжала пытаться, с помощью каверзных и закрученных вопросов (как штопора) вытянуть из докладчика прямые ответы (чтобы откупорить, наконец, бутылку редкого вина). Проф. В.А. Шкуратов начал с известного афоризма о социологических исследованиях вообще: «Социологические исследования проводятся для того, чтобы население знало, что и как оно думает». Вопрос же заключался в том, не есть ли эти исследования некая теоретическая форма оппозиции и не стоит ли применять в них дискурсивные методы?

Похоже, никто из присутствующих, включая докладчика, не понял, что значит «дискурсивные методы в социологических исследованиях», поэтому ответ был в том смысле, что «вообще надо применять все доступные методы, но только в соответствии с поставленной целью». Такой чисто методологический и поэтому внушительный ответ мигом сломал затейливый штопор проф. В.А. Шкуратова, а дополнительное разъяснение, что «общественное мнение – это особая социальная материя, реальность своего рода» дало понять, что редкое вино слишком дорого для этой аудитории (и вообще – это информация, связанная с профессиональными секретами).

Доцент Д.В. Абросимов задал вопрос, выдававший его политическую ангажированность: «Корректно ли вводить критерии оценки, например, работы президента?», на который был дан краткий демократический ответ.

Посетитель Б.Н. Миллер снова выступил с провокационным вопросом: «Проводились ли опросы, как бюрократия относится к собственному народу?».

Ответ снова поразил присутствующих своим эллипсизмом; докладчик заговорил о значении террора для организации бюрократического аппарата: в сталинские времена от выдвижения до назначения проходило 4 года, а в брежневские – 21 год. И все подумали: вот, если бы была война, то ротация государственных кадров ускорила бы многократно. Эта мысль вполне убедила (почти) всех присутствующих не только в глубине идей докладчика, но и в собственной умственной полноценности.

Но такой ответ понравился не всем. Проф. Т.А. Марченко задала вопрос предельно резко: «Есть такой афоризм: «Любая власть – это шайка воров и разбойников». В русском менталитете такое отношение к власти – социально-историческая традиция. В какой мере, по вашему мнению, это представление влияет на отношение народа к современной власти?». Вряд ли сотрудники Левада-Центра могли даже подумать о том, чтобы проводить такие исследования, поэтому суть ответа заключалась в «да». Это выглядело как косвенное согласие с возможной темой культурно-социологического исследования. Было также разъяснено, что Левада-Центр регулярно замеряет уровень напряженности в обществе, но вот молодежь никак не использует свободы, вдруг «упавшие» на нее в результате перестройки.

На это студент Д. Семин, как представитель той самой молодежи, в порядке реплики, объяснил докладчику, что среди молодежи имеет место отчуждение и другие негативные тенденции; что «маятник качается»; что молодежь сомне-

вается, надо ли возрождать порядки Сталина или не надо; что вообще 69% молодежи безразлично относится к таким вопросам, – отсюда и отчуждение. Тем самым, студент Д. Семин на себе продемонстрировал тот самый «социальный цинизм», о котором говорил докладчик, даже не заметив этого. Но и в аудитории никто не обратил на это внимания, а гости, если и обратили, то не показали этого (видимо, во избежание ненужных обострений: на таком мероприятии, конечно, неуместно спрашивать у такого продвинутого студента, чего, собственно, лично он хочет от жизни, от политики, от государства; это не учебный семинар, и он не сможет внятно или политически грамотно ответить, а обвинять его за это – явная несправедливость).

Аспирант С. Попов задал вопрос о влиянии спецслужб на собственный рейтинг в общественном мнении. Но этот вопрос был отклонён ведущим как не относящийся к теме.

Затем был объявлен перерыв на обед. После этого выступил зав. отделом социально-политических проблем Левада-Центра проф. Б.В. Дубин, который изменил тему заявленного доклада, ориентируясь на интересы аудитории, и сфокусировал свое выступление именно на «социальном цинизме»¹. Докладчик начал с того, что кризис 1993-1995 годов породил проблему (ранее не известную в России) управления «рассеянной массой», в основном через СМИ и с помощью политтехнологий. Поэтому фокус социологических исследований сместился на измерение доверия/недоверия народа к властям и друг к другу и на феномен переадресации политической инициативы от народа к власти (явление обычное для России, но странное, чтобы не сказать – дикое, для демократического Запада). Было отмечено, что уже на уровне семьи у нас отсутствует культура договорных отношений и самоорганизации; культурный архетип «доверие/ответственность» у нас странно «скособоцился»: доверие к власти оказалось непомерно раздуто, а ее ответственность сжалась до размера просяного зерна; в результате условия договорных отношений – в целом неравноправные («прав тот, у кого больше прав»), и это является общепринятой нормой социальных отношений и элементом «культуры». Современное поколение выключено из культурных связей: не ходят в кино, в театры и музеи; социальное общение свелось к хождению в гости и к приему гостей, а социальные связи – к схеме «свой/чужой»; теперь только это задает содержание национальной я-самоидентификации (по моментам «земля, история, мы»; все они редуцировались соответственно до: «моя квартира», исторические телефильмы, «моя банда»); даже современная религия проявляет более идеологическую функцию, нежели культурную. Понятие «герой» утратило смысл: у нашего времени нет национальных героев. В результате концепты «мы» и «наше» сейчас лишь отражают состояние и качество общественного мнения: они потеряли культурное и обре-

---

¹ Действительно, приходится признать, что аудитория была явно незнакома со статьями гостей на эту тему (см. Резюме).

ли чисто функциональное значение. Усиливается интерес к советскому строю², а нашу «культурную» жизнь определяют «новые» с их гламурной культурой – «новые циники», заранее и с явно извращенным удовольствием охаивающие любые инициативы правительства. В политике это – Жириновский и политтехнологи вообще; их идеал – тотальная управляемость и политическая манипулируемость, при полном отсутствии представлений о будущем; их полностью заменяют абсолютные социальные ценности стабильного – неважно, плохого или хорошего – прошлого; в обществе витает неопределенное чувство «потери и томления по возврату»; при том, что такие явления, как, например, фильмы С. Говорухина начала 90-х «Так жить нельзя», «Россия, которую мы потеряли» и т.п., сейчас просто невозможны. На повестке дня стоит проблема самоопределения, индивидуального и социального.

Публика одобрила столь содержательный доклад аплодисментами, после чего поступили вопросы.

Проф. Лешкевич Т.Г., ссылаясь на прецедент проведения собрания в Москве русских диаспор из других стран, где все приехавшие очень гордились тем, что они – русские (вызывая недоумение у местных), спросила, могут ли они влиять на политическую ситуацию в России. Проф. Б.В. Дубин сказал, опираясь на свой профессиональный опыт, что вот Франция, со всей ее многоэтничностью и огромным количеством иммигрантов, политически совершенно однородна, и там вопрос о социологии национальных отношений – просто неприличен. И все поняли, что для русских, приехавших в Москву из Европы, Америки и других стран, они «русские» только в этих странах. В России быть русским невыгодно и неинтересно, а на тех «русских» мы смотрим, как на иностранцев. Получается, что называя себя «русскими», они имеют в виду свой статус, как русских, в стране проживания, что нам, конечно, непонятно. У нас термин «русский» употребляют только националисты, великороссы и т.п.

Аспирант Н.П. Проценко поинтересовался, каковы вообще перспективы мобилизации народа, если сейчас от 52 до 85% людей пассивны. Докладчик сослался на выступление Дмитрия Медведева в Калининграде.

Б.Н. Миллер спросил, какова специфика проявления у нас известного принципа «разделяй и властвуй»? На это было отвечено, что этот принцип у нас потерял всякое значение, так как разделять кого-либо больше уже некуда: все разделены до предела.

Автор этих строк отметил, что в докладах гостей как-то смешаны теоретические и этические термины: тем или иным социальным проявлениям дается морально-этическая оценка – «цинизм». Насколько уместно такое совмещение в социологии? И каковы, собственно, основания «социального цинизма», который, по словам докладчиков, определяется «неангажированностью, невключенностью молодежи и населения в целом в политические процессы», – во что,

² Здесь мне сразу вспомнился эпизод разговора Штирлица с пехотным генералом в поезде, когда тот, между прочим, говорит: «Чем больше мы имеем свобод, тем скорее нам хочется СС, тюрем, лагерей». Это было сказано о немцах.

собственно? Чем и ради чего должны заниматься люди, чтобы заиметь мотив для политической деятельности (в чем, собственно, и заключается самоопределение)? И не получается ли, что Левада-Центр с помощью таких понятий, как «социальный цинизм», обеспечивает собственную ангажированность государством, так как показывает, что во всех наших неудачах виноват именно пассивный, аполитичный народ? Это, конечно, весьма по-русски – всегда винить во всем народ: то он бунтует, «бессмысленно и беспощадно», то пассивен до состояния киселя.

Здесь докладчики переглянулись, очевидно, дождавшись, наконец, типичного для периферии обвинения в адрес Левада-Центра.

В ответ докладчик сослался на книгу П. Слотердайка «Критика цинического разума» (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001), откуда, собственно и выскочил этот непонятный для нас термин.

Проф. И.Д. Коротец, в порядке реплики, дипломатично заметил, что нужно различать социологический и морально-этический контексты исследования, что речь в вопросе идет уже о совести... Это замечание понравилось всем: гостям – своей тонкой теоретичностью, позволяющей обоснованно отвести вопрос, а аудитории – своей двусмысленностью, так как оставляло широкое поле для интерпретации, о чьей, собственно, совести идет речь.

Аспирант С. Попов спросил, не порождается ли упомянутый «цинизм» всеобщей системной ложью?

Докладчик не стал выяснять, что имеется в виду под термином «системная ложь», и ответил, что наша политическая система страдает непредставимостью «другого», как и будущего, что, конечно, не нравится молодежи, намекая, что в плохой системе всегда есть какая-то ложь.

В заключение дня ведущий, В.П. Макаренко, сказал, что обсуждение получилось каким-то «расхристанным». Очевидно, он имел в виду явное несоответствие ментально-тематических полей социально-политического сознания гостей и аудитории. Это явление не первый раз наблюдается на встречах у проф. В.П. Макаренко, и очевидно, имеет причины – субъективные и объективные. Первые заключаются в том, что аудитория была плохо ознакомлена с доступными по интернету работами гостей, почему – отдельный вопрос. Вторые же действительно отражают различное видение социально-политических проблем с точки зрения центра и периферии, т.е. большего и меньшего масштаба. Это явление явно заслуживает своего социологического исследования.

Второй день, 28 апреля, начался с заявленного доклада ведущего, проф. В.П. Макаренко, на тему «Может ли бюрократия быть рациональной?» Уже само это название вызывало у одних из присутствующих на лице откровенные усмешки, а у других, более рациональных, – задумчивость.

Однако В.П. Макаренко не оправдал надежд тяготеющих к анархизму студентов; его доклад был вполне академичен (как и всегда под яркой конфетной оберткой названия скрывалось обычное политконцептуальное содержание): это

был одобрительный рассказ о книге одного малоизвестного в России английского социолога Станислава Андрески, посвященной критике концепции рациональной бюрократии М. Вебера. Суть заключалась в том, что Вебер, введший типологию социальных действий – аффективные, традиционные, целерациональные и ценностно-рациональные, – применил последние два типа для анализа действий бюрократии. Станислав Андрески и примкнувший к нему В.П. Макаренко отвергали за бюрократией всякую рациональность, очевидно, исходя из собственного опыта. Конечно, в России до сих пор господствует гайдаровская установка оценивать деятельность государства, всего общества и народа, с точки зрения экономической эффективности, но присутствующий народ (включая гостей) сразу почувствовал, что тут что-то не так. Чтобы усилить аргументацию, докладчик привел собственное, философское определение рационализации – «это верный выбор (набор) средств для достижения поставленной цели». Исходя из сказанного, докладчик воспроизвел и резюме Андрески о Вебере, сказав, что его теории в целом – это «семантический мешок», из которого каждый берет, что хочет (это, конечно, правда).

Все сказанное докладчиком пробудило в аудитории благородное несогласие, и в докладчика не замедлили вонзить интеллектуальные когти и зубы.

Проф. И.Д. Коротец, сразу уловив разницу понятий «рациональность» и «эффективность», указал на то, что вот, например, д'Артаньян исключительно эффективно пользовался шпагой, как средством, всегда достигая своих целей, и притом без всякой рационализации, т.е. без «теории шпаги»; вообще, имеются две функции бюрократии – организационная и паразитарная; если есть претензии к веберовской терминологии, то надо сначала выяснить, что именно он сам имел в виду под «рациональностью бюрократии», из чего исходил, а потом уже выдавать оценки.

Докладчик на это ответил, очевидно, имея в виду нашу собственную, русскую бюрократию, что все равно бюрократическое управление не является рациональным, так как бюрократия не одобряет «технологических способов рассуждения». Было очевидно, что докладчик последовал примеру гостей и взял манеру изъясняться эллипсизмами.

Аспирант С. Попов (в духе государственной установки на легитимизацию бюрократии) сказал, что «рациональность – это система понятий, определяющих границы действий бюрократии», но докладчик сразу поправил формальный характер этого определения, ответив, что бюрократия – это организм; но насколько органично рациональная метафизика позволяет описать биосоциальную жизнь бюрократии? Тем самым докладчик дал понять, что перед социологией и концептуальной политологией стоят важные задачи: перед тем, как уничтожить бюрократию, ее надо – правильно, концептуально! – описать. С. Попову пришлось отступить.

Проф. Л.Д. Гудков возразил докладчику. Напомнив, что Вебер о рационализме писал подробно в своей работе о религии, он сказал, что «задача бюро-

кратии – выстраивание системы социального управления и деятельности, и, в этом смысле, рационализация – это тенденция систематизации и оптимизации социального управления» и, чтобы философски закруглить это определение, в духе Гегеля, отметил, что «упорядочение структуры деятельности – это общая деятельность понятия». Тем самым, гость поддержал интеллектуальный порыв аспиранта С. Попова и намекнул, что концептуализация может быть и произвольной.

Проф. А.В. Лубский, чтобы восстановить рациональность и авторитет веберовского концептуализма и заодно показать гостям, что и мы тут, в Ростове, не лыком шиты, высказал мысль, что «власть вообще – целерациональна, и для ее представителей свойственна левополушарность (отвечающая за интеллект), тогда как народ – ценностно-рационален, и для его представителей свойственна правополушарность (отвечающая за эмоциональность), из чего вытекает естественное взаимное равнодушие власти и народа друг к другу – непонимание разнополушарных. Но если бюрократия – мыслящая, то она – рациональная; а вот как она мыслит? Еще Стёпин ввел разные типы рациональности: классический, неклассический и постнеклассический», и применение этой классификации к вопросу о рациональности бюрократии, конечно, значительно обогатило бы социологическую науку.

Автор этих строк также высказался в защиту Вебера и в опровержение узко-концептуалистского подхода докладчика. В свете определения рационализации, данного докладчиком, возникает вопрос: относится ли рационализация только к средствам, при фиксированных целях, или же она распространяется и на цели? У докладчика получается, что концептуальный анализ не распространяется на целеполагание! Значит, именно в этом месте проходит его методологическая граница. Тогда нам надо анализировать цели социологии – где же они лежат: внутри сферы кем-то поставленных целей или же они ничем, в принципе, не ограничены? Суть вопроса: в какой мере социология может (должна) быть идеологичной, а в какой – философичной? Слишком идеологичная социология становится хорошим средством, но теряет собственный смысл. Слишком философичная социология тяготеет к тому самому «социальному цинизму», оправдывающему все на свете.

Что же это такое – «социальный цинизм»? Как его понимать, не по П. Слотердайку, а по нашей, русской мерке? Почему наш народ не хочет принимать участие в социальных инициативах государства? У нас средний человек – не д'Артаньян XVII века, а простой дядя Вася-слесарь, которому в жизни от государства нужна только гарантированная кружка пива по утрам. И когда он начинает соображать, как могут сказаться эти самые «социальные инициативы государства» на этой кружке пива, то ясно, что он не видит между ними никакой связи (не потому, что ее нет, – в обществе все взаимосвязано, – а потому, что он не способен ее увидеть, как неосвещенную паутинку). Молодежь хочет другого, большего, но и она не видит этой связи. Можно ли их за это винить?

И вообще, подпадает ли отсутствие культуры³ социальной самоорганизации под понятие «социальный цинизм»? На Западе кризис этой культуры вызван материальным благоденствием; она там больше и не нужна, и П. Слотердаjk пишет об этом, движимый разве что чувством ностальгии по эпохе Возрождения. Но у нас-то не так! У нас нет (и никогда не было) техник социальной самоорганизации (партия большевиков – не в счет), и нет желания овладеть этой техникой (взяв ее, например, у Запада, чего, собственно, и хотело бы правительство), так как нет никакой уверенности, что бюрократия позволит это сделать, так как она владеет вековыми приемами разобщения социальных групп, культивации недоверия и конфликтов между ними; отсюда сверху донизу господствует установка «хватать и тикать» и «ешь другого, пока тебя не съели». И где же тут «социальный цинизм»?

Рациональна ли наша бюрократия? Для Вебера, конечно, нет, потому что то, что она делает, не соответствует ценностям рыночного и демократического общества и даже противоречит им. Но для нас такой западный вопрос – только ширма. У нас спрашивать надо о другом: рациональна ли, эффективна ли коррупция? Вот на этот вопрос каждый здравомыслящий русский человек, имеющий собственность, работу, пенсию или бизнес ответит безоговорочно: «да». Это только теоретики от социологии могут, бездумно следуя Веберу, осуждать такой эффективный способ решения всех проблем в России, а что касается его рентабельности, то она превосходит любое производство (1000% чистой прибыли и без прямых вложений). Вебер и не думал, что у нас бюрократия всегда была индустрией зарабатывания на государственных должностях (типа всеохватывающей системы внутренних таможенных пошлин), и только в качестве таковой ее имеет смысл вообще исследовать, потому что ее организационно-управленческий потенциал сводится к «исполнению» приказов сверху. Что же может быть рациональнее? Кто у нас против коррупции? Даже в правительстве – только два человека: президент да премьер. И это – тоже «социальный цинизм»?

Проф Т.А. Марченко сказала, что у нас Вебер – как дышло, куда повернешь, туда и вышло. Это, впрочем, неплохо, так как свидетельствует о высокой эвристичности его теорий.

Далее был заслушан доклад Н.П. Проценко о «среднем классе» в России, из которого все узнали, что дело с формированием этого класса в России идет через пень-колоду, что его небольшая прослойка, возникшая заботами бывшего президента, исчезает, с перспективой влиться либо в госкласс, либо в пролетариат; что же касается создания собственной партии, то это – дело дохлое. Однако, именно «средний класс соответствует понятию «нормальные люди»; это – не олигархи, не чиновники и не бандиты. Переключение установки правительства с модернизации на инновации может означать провал реформ в России во-

³ Под «культурой» здесь понимается не уровень экономической или менеджерской образованности, а культурно-историческая традиция социальных взаимоотношений, которая издавна на Руси определялась поговоркой: «С шивым – не ложись, с сильным – не борись, с богатым – не судись».

обще, так как первые планируются, субсидируются и контролируются правительством, а вторые должны – самими людьми. Но для этого нет никаких возможностей – ни объективных, ни субъективных. И Н.П. Проценко заключил собственным политическим прогнозом: либо будет создана ПНЛ («Партия нормальных людей») либо будет всеобщая стагнация.

Обсуждение продолжилось докладом еще одного, приехавшего позже, гостя с Украины – В.Н. Ткаченко, о социально-экономической политике на Украине, породившей такое социальное расслоение, что 5% населения владеют 65-ю % всей собственности, а 65% населения – 5-ю% собственности; о господстве бизнес-грабежа с отводом денег в оффшоры и 60-ю% теневого капитала. Все понимали, что о так сформулированных социальных проблемах у нас уже давно забыли, и что Украине предстоит повторить наш, уже пройденный, путь. Но докладчик, с приятным украинским акцентом, вызвал общую симпатию и сочувствие.

В заключение был сделан совместный доклад гостей (они говорили по очереди, удивив аудиторию своей согласованностью) о социологии литературы, книгочтения и библиотек – специально для работников ДГПБ.

На этом официальная часть закончилась, и следующий день, 29 апреля, был посвящен культурной программе для гостей, без чего никогда не обходился наш широкий и хлебосольный город Ростов-на-Дону.

Резюме. В целом обсуждение получилось интересным и живым. Динамика обсуждения задавалась диалектическим противоречием в сознании присутствующих – между конкретно-обыденным, основанным на практике (т.е. народным, сермяжным и кондовым), отношением к социологическим исследованиям и философско-теоретическим, духовно-возвышенным (т.е. где-то романтическим) видением социокультурных и исторических процессов, происходящих в России. У гостей явно преобладало второе отношение, а у аудитории – первое. Но как всегда, снятие противоречия теории и практики было отдано на волю абсолютного духа и правительства.

Стоит еще раз отметить, что аудитория лучше понимала бы гостей, если бы познакомилась с их публикациями, широко представленными в интернете. Они, действительно, заслуживают внимания:

Гудков Л.Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 20-29

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 24-39.

Гудков Л.Д. Цинизм «непереходного» общества // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 2 (76). С. 43-62

Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra 2008, март-июнь // www.carnegie.ru...pubs/procontra/ProEtContra...35.pdf.

Слотердаик П. Критика цинического разума // Перев. с нем. А. В. Перцева. — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001.— 584 с.

Фоссато Ф. Рунет как инструмент адаптации/Pro et Contra 2009 март-апрель, с. 91-99)